

«В несчастье судьба всегда
оставляет дверцу для выхода...»

Мигель Сервантес

*Самая лучшая неделя ее жизни, начавшаяся
столь упоительно, завершилась абсолютной ката-
строфой, навсегда перевернувшей ее жизнь...*

* * *

Проснувшись в тот приснопамятный понедель-
ник середины июня, Лера Кукушкина, выпускни-
ца средней школы № 14, потянувшись и сладко
зевнув, даже не посмотрела на часы и, чувствуя
истому во всем теле, повернулась на другой бок.
Однако заснуть так и не удалось — и почему так:
экзамены позади (хотя одни-то, выпускные в шко-
ле, действительно *позади*, но ведь другие, вступи-
тельные в вуз, еще *впереди*, но думать об этом не
хотелось), в воскресенье — школьный выпускной,
и целая неделя без стресса и волнений в предвку-
шении этого великолепного дня.

Хоть она ненамного и задремала, но снова про-
валиться в долгий сон не вышло, поэтому девуш-
ка, решительно откинув простыню (температуры на
улице давно стояли летние, и одеяла, даже легкие,
давно были спрятаны заботливой бабушкой на ан-
тресолях), еще с закрытыми глазами, прошлепала
к двери.

Отворив ее, Лера ощутила ароматный запах ола-
душек — ну, конечно же, бабушка уже испекла их на
завтрак! Хотя бабушка и знала, что внучка в послед-
нее время буквально помешалась на различного
рода диетах и здоровом питании, однако и слышать
не хотела, что оладушки к этому самому *здоровому
питанию* не относятся.

А Лера, выйдя из своей комнаты на кухню, чмокнула сидевшую на табуретке и читавшую газету, помешивая в большой старинной фарфоровой чашке с золотым ободком свой накрепчайший и наисладчайший чай, седую, но удивительно молоджавую бабушку, в честь которой и получила свое имя, и, плюхнувшись на другую табуретку, накрытую вышитой подушкой, Лера произнесла:

— Бабулечка, ты же оладушки испекла?

Бабушка, бросив на нее строгий взгляд из-под очков и быстро перелистнув страницу газеты, произнесла:

— Валерия, во-первых, *доброе утро!*

Покраснев, Лера пробормотала ритуальное утреннее приветствие, без которого, как считала бабушка, не мог начаться ни один день, а бабушка, чуть смягчившись, продолжила:

— А во-вторых, почему ты босиком ходишь? Сколько раз тебе говорила, чтобы тапочки надевала! Еще простуду подхватишь!

Ну да, *говорила!* Раз десять тысяч, а то и все *сто!* Но внучка пошла в бабушку не только своим именем, но и характером — и уж если что-то делала или, наоборот, решала что-то *не* делать, то оставалась при своем мнении.

— Бабулечка, какая простуда?! На дворе июнь, двадцать три градуса с утра, а днем вообще раскочегарится.

Лера, заметив скупую бабушкину улыбку, прекрасно понимала, что та вовсе не сердится на нее и что все эти замечания и семейные диалоги являются незыблемой традицией их пусть и небольшой (после трагической смерти мамы около трех лет назад), но дружной семьи Кукушкиных.

Такой же незыблемой, как и читающая свежую городскую прессу бабушка, попивавшая накрепчайший и наисладчайший чай из старинной чашки с золотым ободком. Как и бабушкины вкуснящие

оладушки. Как и замечания о тапочках и о вреде хождения босиком по полу.

— А в-третьих? — спросила лукаво внучка, и бабушка, отложив в сторону газету, чинно отпила из чашки и произнесла:

— Что значит «в-третьих», Валерия?

Полным именем называла ее только бабушка, не признававшая никаких таких уменьшительно-ласкательных вариантов. Для папы же она была *Лерочкой*. Для одноклассников и друзей: *Лерой*. А для особо близких одноклассников и друзей — *Лерусиком*.

Но только не для бабушки, которую Лера очень любила, хотя немного и побаивалась.

— Ну, бабулечка, если ты сказала *во-первых* и *во-вторых*, то, зная тебя, могу исходить из того, что имеется еще и *в-третьих*!

Вздыхнув, бабушка пододвинула внучке тарелку с ароматными, еще горячими оладьями.

— Сначала позавтракай! И не пытайся мне заявлять, что мои оладьи какие-то не такие! Вот поступишь в университет, уедешь в другой город, может, даже в Москву, тогда и сама решай, что на завтрак есть будешь. А пока ты тут живешь, придется питаться моими оладьями!

Лера, схватив сразу два оладушка, со смехом ответила:

— Бабулечка, и как же я без них проживу? Отощажу же! С лица спаду! *Непорядок!*

Бабушка, которая в свои семьдесят два года была далеко не старушка, а следившая за собой женщина в самом расцвете сил, ответила:

— И не надо полагать, что старшие глупее вас, молодежи, Валерия! Так что кушай!

Она заботливо налила внучке чай и пододвинула блюдечко с вишневым джемом.

Вздыхнув, Лера принялась жевать оладьи всухомятку, да и сахара в чай не положила. Ну да, ведь как быстро время летит! Еще несколько недель, и все, она, вероятно, навсегда уедет из родного города.

Будет учиться в другом месте, быть может, никогда сюда больше не вернется...

Как же ей будет не хватать бабушкиных оладушек!

* * *

Продолжая завтракать, Лера искоса поглядывала на городскую газету, которую читала бабушка, когда она вошла на кухню. От нее не ускользнул ни броский заголовок статьи, которую просматривала родственница, ни то, как быстро она перевернула страницу.

И это могло означать только *одно*.

— Что, *опять?* — спросила Лера, и бабушка, вздохнув, отпила из своей чашки с золотым ободком и ответила:

— Это уже третья — за два месяца!

Лера тоже вздохнула, и в ее сердце закрался страх — но только на несколько мгновений. Думать о смерти не хотелось. А ведь получается, что снова кто-то умер: точнее, кто-то *был убит!* Не исключено даже, что тот, кого она знала.

За последние два месяца в их городе были найдены две убитые девушки, причем одна была ученицей из параллельного с Лерой выпускного класса! Другая — из соседней школы, тоже из выпускного. Кто-то *зверски* изуродовал их ножом.

Падкая на сенсации местная желтая пресса сразу завела речь о том, что в их городе появился *серийный убийца*. Власти все отрицали, заявляли, что между обеими смертями никакой связи нет и что все дело в разгуле бандитизма, но им никто не верил.

И слухи множились, разрастались, обрастали все новыми, конечно же *кошмарными* подробностями.

— И кто на этот раз? — спросила тихо девушка, протянув руку за газетой, и бабушка, опять вздохнув, передала ее внучке.

Неужели в самом деле кто-то, *кого она знает?*

Быстро пробежав статью глазами, Лера почувствовала, как у нее отлегло от сердца: нет, на этот раз не ученица, а молодая преподавательница из колледжа, находящегося в районе центрального ЗАГСА. Это, конечно же, было не лучше.

— Тебе бы хорошо поскорее уехать отсюда, *Лерочка!*

Девушка, едва не поперхнувшись, уставилась на бабушку. Неужели та назвала ее не полным именем? И не просто не полным, а уменьшительно-ласкательным. *Когда* такое было? Кажется, *никогда* еще...

— Бабулечка, ты что, избавиться от меня хочешь? — спросила Лера и вдруг увидела, что по щекам бабушки текут слезы.

Бабушка не плакала даже в тот ненастный осенний день, когда их настигла весть, что маму сбила машина и что она находится в реанимации городской больницы. И даже на похоронах мамы неделю спустя тоже не проронила ни слезинки, только скорбно поджала губы и смотрела куда-то в пустоту.

Бросившись к бабушке (и при этом задев ногой стол, да так, что чашка с остатками чая грохнулась на пол и разбилась), Лера, присев на корточки перед пожилой женщиной, обняла ее:

— Ну что такое, бабулечка...

Раньше бы бабушка непременно устроила бы ей знатную головомойку за разбитую чашку, но теперь, кажется, ничего не заметила.

Может, *действительно* не заметила?

Бабушка ничего не отвечала, но Лера и так понимала, в чем дело. Потеряв единственную дочку, бабушка теперь боялась больше всего на свете потерять и единственную внучку.

Лера поцеловала бабушку в щеку и произнесла:

— Ну, ничего ведь не произойдет! Его поймают. Их всех рано или поздно ловят.

А что, если поздно, а не рано? Ведь для кого-то *всегда* бывает поздно. Неужели для нее самой?

Бабушка, взяв себя в руки, заметила:

— Я говорила с твоим отцом, Валерия, и он пообещал мне, что ты уедешь в Москву *сразу* после выпускного.

Оторопев, Лера уставилась на бабушку. Ну, раз опять *Валерия*, значит, все вернулось на круги своя.

И только потом осознала, что сказала бабушка. Выходит, они с папой уже все решили — причем за *нее* решили!

— Бабулечка, так не пойдет! Я ведь взрослый человек...

Бабушка перебила ее:

— *Пойдет!* И раз с нами живешь, Валерия, то никакая ты не взрослая!

Девушка, чувствуя подкатывавшую к горлу обиду, заявила:

— Ну, это, положим, скоро изменится. И вообще, я совершеннолетняя, мне восемнадцать, к твоему сведению, в мае исполнилось!

Бабушка вполне резонно ответила:

— Вот когда изменится, то тогда и будешь сама принимать самостоятельные решения. А пока решения принимаем мы с твоим отцом.

Ну да, скорее, даже не папа, человек мягкий и добродушный, матери своей покойной жены, которую обожал до безумия и чья трагическая смерть едва не свела его с ума, не просто побаивавшийся, как побаивалась ее Лера, а испытывавший перед ней трепет, а сама бабушка приняла это решение.

— В августе мне уж точно надо будет ехать в Москву, на учебу. Обустроиваться, вступать в новую жизнь...

Бабушка, на щеках которой все еще блестели слезы, ответила:

— Вот можешь и начать обустроиваться и вступать в новую жизнь не в августе, после экзаменов, а в июне, *до!*

Лера, которой крайне не нравилось, что бабушка с отцом (точнее, *одна* бабушка) уже приняла окончательно решение, заявила:

— Но это же лишние расходы! Да еще какие! И где я буду жить в Москве? Как я там смогу готовиться к вступительным экзаменам! И вообще, как...

Она запнулась, чувствуя, что вот-вот расплачется, а бабушка произнесла:

— Жить будешь на первых порах у моей двоюродной сестры, Зои Андреевны, в Марьино. Валерия, это для твоего же блага. И ты не можешь этого не понимать!

— Но у меня здесь *друзья!* — запротестовала девушка.

Бабушка заявила:

— Летом им тоже будет не до тебя. Это не сколько последнее лето детства, Валерия, сколько первое лето взрослой жизни. Тебе пора думать о своем будущем!

— И вообще... — ответила девушка, умевшая быть такой же упрямой, как и ее бабушка, но та безапелляционно заявила:

— Не перечь. Откуда в тебе этот дух противоречия?! Все решено, едешь в следующий вторник. Я тебе уже и билет на московский скорый купила, нижняя, кстати, полка. Вот!

Приподняв клеенку на кухонном столе, бабушка продемонстрировала ей билет на поезд.

Ну надо же, они не только все за нее *решили*, но и билет *купили!*

— Никуда я не поеду! — заявила Лера, но бабушка была неумолима:

— Что значит *не поедешь?* Билет уже куплен, не пропадать же! Поедешь как миленькая!

Но Лера тоже умела быть упрямой — *вся в бабушку.*

— И пусть пропадает! Это исключительно ваши с отцом проблемы. Будет вам наука. Сказала, что не поеду, значит, *не поеду.*

Бабушка, строго взглянув на нее поверх очков, пожевала губами:

— И вообще, я уверена, что твоя мать хотела бы, чтобы ты поступила именно так!

Аргумент был в прямом смысле *убийственный*.

Чувствуя, что по щекам текут слезы, Лера воскликнула:

— Но вы не можете просто так... Нет, не вы, ты не можешь просто так решать все за меня! Мои друзья...

Ну да, *друзья*... Речь шла не о друзьях (и бабушка была права: все этим летом куда-то разъедутся, денутся, начнут строить новую жизнь), а об одном-единственном друге.

О *Толике*.

О том человеке, который ей недавно признался в любви — и которого она любила. Лера понимала, конечно, что им предстоит принять решение, но до этого было так далеко.

У них впереди, казалось, была куча времени, а теперь выясняется, что *всего лишь неделя!*

— Откуда ты знаешь, чего бы хотела мама?! — заявила в запале Лера.

Бабушка же ответила:

— Знаю, Валерия. Потому что я ее *мать*.

— А я ее *дочь!* И уверена, что она бы поняла меня. И не стала бы отсылать прочь так быстро. Всех этих девиц, конечно же, жаль, и тот, кто это сделал, подлинный зверь. Но я, в отличие от них, по ночам вдоль реки не шляюсь, а их ведь всех там нашли, не так ли?

Бабушка явно не намеревалась вести дискуссию, а Лера поняла: решение было принято *окончательно и бесповоротно*.

— Какая же ты все-таки... *бессердечная!* — вырвалось у девушки, и она сама испугалась того, что сказала. Бабушка же хотела ей только лучшего. Но весь вопрос в том, было ли то, что хотела бабушка, действительно для нее, своей единственной внучки, *лучшим?*

Заметив, как окаменело лицо бабушки, Лера поняла, что явно перегнула палку, и бросилась к ней, явно желая обнять и поцеловать, но тут послыша-

лась мелодичная трель дверного звонка: кто-то пришел к ним в гости.

— Бабулечка, извини, я не хотела... Я вовсе не считаю, что ты бессердечная, просто вырвалось... Я понимаю, что ты хочешь как лучше... Но ведь я тоже взрослая... Ну, почти... ты должна понять, что...

Понимая, что своим несвязным лепетом она все только усугубляет, Лера снова попыталась обнять бабушку, но та, явно обиженная ее словами, сделать ей этого не дала.

— Валерия, ты же слышишь, что в дверь позвонили!

Трель повторилась.

— *Будь добра, открой!*

Вздохнув и понимая, что ничего пока что изменить нельзя и что бабушка рассержена, Лера прошлепала в коридор и подошла к двери. Поворачивая торчавший в замке ключ, она вдруг испытала непонятное волнение.

Ведь в их провинциальном городе отродясь не было никаких серийных убийц и маньяков. Откуда же взялся тот, что убивал школьников и учительниц?

И сделала то, что раньше никогда не делала: *посмотрела в дверной глазок.*

* * *

Она вовсе не ожидала увидеть на лестничной клетке маньяка (тем более, откуда она могла знать, как маньяк выглядит — вряд ли столь же смехотворно и опереточно, как в дурацких американских фильмах: с рукой, в которую была вмонтирована бензопила, и с невероятной формой головы, покрытой струпьями). Скорее всего, это обыкновенный, даже вполне себе заурядный человек, просто такой, который убивает других людей, не менее обыкновенных и заурядных.

Или нет?

Трель звонка прорезала тишину их квартиры (точнее, конечно же, *квартиры бабушки*) в третий раз.

Но на лестничной клетке она заметила не маньяка из третьеразрядных фильмов ужасов и даже не заурядного незнакомого типа, который мог вполне оказаться *таковым*, а свою одноклассницу и приятельницу Лариску — в белом сарафане, желтой панаме и ярко-изумрудном шарфике.

Открыв дверь, Лера быстро произнесла:

— Привет! Давай через полчаса внизу встретимся...

Но с кухни раздался громкой голос бабушки:

— Валерия, разве я *так* тебя учила встречать гостей?

В итоге пришлось проводить Лариску на кухню, где та, беззастенчиво уплетая один за другими бабушкины оладьи, без умолку трещала то об одном, то о другом, то о третьем — трещать без умолку Лариска умела, как никто другой.

Лера отлично знала, что бабушка Лариску не особо-то жаловала, поэтому и не хотела обострять ситуацию, приглашая подругу на завтрак, однако в этот раз бабушка была крайне любезна и выслушивала потоки информации, изливавшейся изо рта рыжеволосой тощей Лариски, с ангельским терпением.

Впрочем, как заметила Лера, при этом умело манипулируя тематикой беседы и переводя ее в интересовавшее ее русло.

А занимало бабушку все, что было связано с деяниями маньяка. Лариску же было хлебом (вернее, *бабушкиными оладьями*) не корми, дай только поведать последние сплетни:

— ...и это точно какой-то затюканный мужичонка! Ну да, его ищут! Кстати, Лерочка, у твоего же Толика и двоюродный брат, и его отец, дядька Толика, в прокуратуре работают. Отчего бы тебе Толика на откровенность не вызвать? Наверняка он много чего знает!

Лера поморщилась: упоминание Толика, из-за которого, собственно, и разгорелся весь сыр-бор,

было в данный момент неуместным, но бабушка даже своей тонкой выщипанной бровью не повела.

— И вообще, все от недостатка секса! Вы уж поверьте моему опыту! Ну, я не в том смысле, что я прямо уж такой эксперт, я девушка честная и порядочная! Но у мужичонки этого наверняка властная жена, которая его затюкала до невозможности! А секса нет! Вот он и реализует свою разрушительную энергию на стороне! А ты как считаешь, Лерочка?

Лера быстро подложила говорливой непрошеной гостье на тарелку последние оладьи и невинным тоном спросила:

— А чай еще поставить?

Бабушка же заявила:

— Дельные вещи говоришь, Лариса. Поэтому Валерия сразу после выпускного уедет в Москву. Будет там готовиться к вступительным экзаменам.

Лариска активно закивала:

— Ну да, отличная идея! А что тут по городу шляться, ждать, пока маньяк на тебя нападет? Я вот нигде не шляюсь, но все равно ой как боюсь!

Понимая, что разговор с Лариской, пусть человеком осведомленным, но далеко не самым проныцательным, все только ухудшит, Лера бросилась в ванную, чтобы привести себя в порядок, одеться и наконец-то удалиться с подругой из дому.

* * *

Мечась по квартире в поисках своей второй боножки, а также пояска от желтого сарафана, девушка заглянула в родительскую спальню. После смерти жены отец спал исключительно на кушетке в кабинете, оставив в спальне все так, как было до того рокового осеннего дня.

Бросив мимолетный взор на огромную черно-белую фотографию молодой улыбающейся мамы, Лера отвела взор и заметила, что ящик комода был не до конца прикрыт.